

Глава 7

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ»

Китайские ученые отдают пальму первенства в выдвижении понятия «китайская модель» Дэн Сяопину, который в 1998 г., говоря о том, что китайская революция не копировала советскую модель, предостерегал против имитации чужестранных образцов общественного развития. До этого слово «модель» использовалось достаточно широко, но чаще в инварианте «целевая модель» без определения «китайская». В официальной пропаганде широкое обращение к словосочетанию «китайская модель» наблюдается с 2002 г., когда на XVI съезде КПК был провозглашен перенос центра тяжести партийной и государственной работы на решение социальных задач.

На международной арене полемика вокруг этой идеи развернулась после публикации Лондонским центром международной политики в мае 2004 г. доклада Джошуа Рамо, противопоставившего «Пекинский консенсус» «Вашингтонскому консенсусу», который от лица международных экономических организаций предписывал слаборазвитым странам приватизацию государственных предприятий, широкую либерализацию внешней торговли, сокращение государственных ассигнований на социальные цели. «Пекинский консенсус», в изложении Рамо, отличает от вашингтонского предшественника переосмысление существовавших прежде постулатов в духе либеральных теорий, акцент на устойчивое сбалансированное развитие, посягательство на устоявшиеся каноны, смелое введение инноваций, постепенность и последовательность действий вместо «шоковой терапии». Согласно заключению Дж. Рамо, «китайская модель» демонстрирует «новую физику власти развития», которая приобрела характер достаточно медленного и осторожного проведения многочисленных хозяйственных экспериментов и становится привлекательной для многих стран¹.

В развернувшейся после выхода работы Рамо научной дискуссии приняли участие как китайские, так и иностранные специалисты. В Китае термин «Пекинский консенсус» был встречен с определенной настороженностью из-за его иностранного происхождения и намека на «китайский вызов». Может быть, по этим причинам в ходе дискуссий китайские участники обычно отдавали предпочтение индифферентному термину «китайская модель», который потеснил рассуждения о «консенсусе», а заодно с ним и некоторые прежние идеологемы.

Тематике «китайской модели» был посвящен целый ряд научных совещаний, в частности, она затрагивалась на Азиатском форуме в Боао в ноябре 2003 г., на научном симпозиуме в Китае в августе 2005 г. Второй тур дебатов совпал с начавшимся в 2008 г. глобальным финансово-экономическим кризисом, который поставил под сомнение западную модель развития по неолиберальным рецептам. В ноябре 2010 г. автору удалось принять участие в 4-м Форуме синологических исследований в Шанхае (далее — Шанхайский форум), где полемика на эту тему заняла очень важное место.

7.1. Существует ли «китайская модель» и в чем ее специфика?

Разброс мнений участников дискуссий по вопросу существования феномена «китайской модели» объясним как разным толкованием самого термина «модель» в обществоведческой литературе, так и идеологическими симпатиями участников дискуссий. Научный сотрудник Института Евразии Шанхайской АОН Ху Цзянь выделяет три основные группы дискутантов: 1) позиция полного отторжения понятия «китайская модель»; 2) позиция «за» с рядом оговорок; 3) позиция безоговорочной поддержки. По мнению Ху Цзяня, неприятие «китайской модели» свойственно в большей мере зарубежным специалистам, которые в своих оценках апеллируют к западным ценностям. С их точки зрения, поскольку «китайская модель» явно «не дотягивает» до общепринятых западных стандартов рыночной экономики, рассуждать по поводу «модели» не имеет смысла. Отвергая эту логику, Ху Цзянь считает, что обращение к «китайской модели» позволяет правильно оценить настоящее и предугадать будущее Китая, что отнюдь не исключает дальнейшую эволюцию модели при сохранении ее «ядра»².

К числу иностранных скептиков относится сянганский крупный бизнесмен Цин Шао, который в своей работе «По поводу осуществ-

ления модернизационного проекта Китая» заявил, что какой-то особой «китайской модели», отличной от европейской и американской, просто не может быть. Другой пример — профессор Университета Дж. Хопкинса (США) Д. Лэмптон. По его словам, «следует говорить не о модели, а о способе, позволяющем китайскому народу, составляющему 20 % населения планеты, вступить в качественно новую стадию развития»³.

На Шанхайском форуме 2010 г. ряд иностранных докладчиков также отмежевались от этого научного термина. Например, профессор Чикагского университета Тань Чун сформулировал свое отношение следующим образом: «Я думаю, — сказал он, — что полезнее исследовать цивилизационные последствия устойчивого развития Китая и не пытаться разработать некую “китайскую модель” в геополитическом ракурсе». Представитель Японии Кацуюко Мори отметил, что, хотя Китай за годы реформ добился явных успехов, они не были в должной мере институционализированы. Еще более категоричным оказался Чэнь Цзымин, предложивший прекратить всяческие разговоры о «китайской модели» как полностью беспочвенные. По его мнению, уже с конца XIX в. в Китае не осталось приверженцев особого пути развития. Все китайские лидеры ориентировались на ту или иную западную модель: «Мао Цзэдун сначала копировал советскую модель. Дэн Сяопин предпочитал западную. Когда же Мао Цзэдун попытался изобрести “китайскую модель”, он “попал пальцем в небо”, так и не сумев противопоставить что-либо “советской модели”. После смерти Мао был взят курс на модернизацию по образцу Японии и “четырёх азиатских драконов”. И вот теперь, когда страна только-только начала входить в норму, о прошлом хотят забыть и снова твердят о “ветре с Востока”, снова предлагают отказаться от политических реформ и проповедают преимущества какой-то надуманной “народной демократии”»⁴.

Откровенно нигилистскую позицию демонстрируют далеко не все ученые. Профессор Женевского университета Чжан Вэйвэй в своей статье «Китайская модель как самая неплохая» в перечне специфических черт «китайской модели» на первое место поставил наличие достаточно эффективного правительства с сильными модернизаторскими устремлениями, которое доказало свою способность разработать долгосрочную стратегию реформ в интересах народа и нашло в себе силы для ее реализации. Направленность стратегии на создание социалистической рыночной экономики позволила сбалансировать повышение экономической эффективности и соблюдение социаль-

ной справедливости. Первостепенное значение придавалось подъему народного благосостояния, ликвидации бедности, сочетанию стабильности, реформы и развития. Что касается политических мер, то Китай доказал преимущества эволюционного хода реформ, ранжирования и очередности осуществления намеченных действий. Главная особенность «китайской модели», по мнению Чжан Вэйвэя — это крайне важная роль государства, а главный результат — превращение закрытого аграрного общества в открытую рыночную экономику⁵. К позиции «за» примыкает француз Л. Варон, который в книге «Вызовы Китая» обратил внимание на широкое использование в практике китайских реформ всего ценного из иностранного опыта⁶. Профессор Университета Дж. Вашингтона Г. Хардинг особо отмечает постепенность экономического развития Китая и его «апробацию предпринимаемых действий экспериментальным путем»⁷.

Большинство китайских ученых придерживаются риторики официальной пропаганды и не видят больших различий между «китайским путем», «китайской спецификой» и «китайской моделью». Но кое-кто критикует термин «китайская модель» как ненужный «чужеродный» фразеологизм. По мнению Цяо Синьшэна, «такие понятия, как «Пекинский консенсус» и «китайская модель», служат тому, чтобы втиснуть китайские реалии в западную систему координат, что можно расценить как отсутствие у некоторых представителей китайской науки должного уважения к своим собственным корням»⁸. В некоторых публикациях присутствует нескрываемый скептицизм в отношении преувеличения значимости самой дискуссии. Именно такой настрой продемонстрировали участники беседы в редакции журнала «Цайцзин» — Цай Шэн и Ли Цзэхуо, которые выразили свое согласие с наличием «китайской модели», но одновременно посоветовали «не заикливаться» на ее обсуждении⁹.

Китайские аналитики конформистского толка, избегая открытой полемики по поводу западных ценностей, что может восприниматься за рубежом как «вызов Западу» (не стоит дразнить гусей), зачастую подменяют категорию «модель» (*моши*) схожим понятием «способ» (*фаниши*). Некоторые объясняют свою осторожность в употреблении концепции «китайская модель» опасениями рецидива «пошлой самобытности», т. е. претензий на свою исключительность, что наблюдалось в годы «большого скачка» и «культурной революции».

Директор Института изучения марксизма-ленинизма АОН Китая Чэн Эньсы, полемизируя с теми, кто отрицает правомочность «китайской модели», категорично заявлял, что «китайская модель» уже в ос-

новном сформировалась. Во всех сферах уже существуют необходимые институты. Касаясь разных аспектов «социализма с китайской спецификой», он останавливается в первую очередь на «экономической субмодели», перечисляя 4 главные ее составляющих: 1) многоукладность при главенстве общественных форм собственности; 2) многоканальная система распределения при приоритете оплаты по труду; 3) сложноструктурированная рыночная система при важной роли государственного макроуправления; 4) многосубъектная открытая внешнеэкономическая политика при главенстве принципа опоры на собственные силы. Китайскую политическую модель Чэн Эньсы определяет как «четырёхзвенную» систему при трех константах (руководство партии, власть народа, правовое государство) и четырех главных звеньях государственного управления (система народного представительства, возглавляемая ВСНП, многопартийная система, руководимая КПК; унитарная административная система, включающая районы национальной автономии; самоуправление на нижнем уровне территориально-административной системы)¹⁰.

Среди китайских работ позитивистского характера (категоричная позиция «за») стоит отметить сборник «Китайская модель как главный итог 60-летнего развития КНР», опубликованный в 2009 г.¹¹ Его редактор и автор предисловия профессор Центра международных и китайских исследований при Пекинском университете Пань Вэй дал развернутое изложение своего понимания «китайской модели» как некоей объективной данности. Он предложил рассматривать ее как сочетание трех субмоделей — экономической, политической и социальной.

В экономической модели, называемой им «государственно-частной» (*гоминь моши*), Пань Вэй выделяет 4 главных момента:

1) государственный контроль над использованием земли, т. е. господство общественной собственности на землю (*туди гунъю*) при частном (индивидуальном) владении;

2) государственная собственность в отношении крупных производственных предприятий и главных финансовых учреждений (государственный контроль над финансовыми потоками);

3) свободный рынок рабочей силы, который может считаться одним из самых либерализованных в мире, и количественное преобладание на рынке средних и мелких «народных» предприятий в качестве самостоятельных хозяйственных субъектов;

4) высококонкурентный рынок товаров и капиталовложений, сделавший Китай крупнейшей базой экспортного производства.

По мнению Пань Вэя, два первых института Китая унаследовал от плановой системы. Государственная монополия на землю полностью себя оправдала, поскольку позволила:

- предотвратить концентрацию земли в руках немногих лиц и обеспечить равный доступ крестьян к земле в соответствии с лозунгом «каждому пахарю свое поле», в результате чего было достигнуто довольно справедливое распределение средств производства;
- избавить хозяйственников от высоких цен на землю, что снизило себестоимость промышленной продукции и объектов строительства;
- удержать порядок низкого налогообложения (в отличие от ряда капиталистических государств, где высокий уровень жизни сочетается с высоким налогообложением);
- обеспечить поддержание социальной стабильности, особенно в деревне.

Для характеристики китайской политической модели Пань Вэй использовал термин «народ — основа» (*миньбэнь*), заменив им понятие «демократия» (*миньчжэ*). Свой выбор он объяснил разной этимологией этих концептов: в понятии «демократия» народ выступает в роли носителя власти (*чжэ* — хозяин), а в термине «*миньбэнь*» народ объявляется «основой», что позволяет рассматривать его одновременно как субъект и объект власти. Модель «*миньбэнь*» в трактовке Пань Вэя имеет четыре главных компонента: 1) преемственность принципам современного гуманизма; 2) конкурсный подбор работников административного аппарата; 3) широкое привлечение к управлению неправительственных политических и общественных организаций; 4) отлаженный механизм «социального лифта» и оценка работы сотрудников правительственных учреждений «по заслугам».

Особое внимание Пань Вэй уделил процедуре принятия управленческих решений и их доведения до исполнителей. Этот метод он называет «*гунгэйчжэ*» по аналогии с экономической системой централизованного распределения (планово-директивная система). Все основополагающие решения принимаются в высших органах управления, а уведомление работников нижестоящих инстанций осуществляется по административной вертикали «сверху-вниз». Инициативы граждан проходят процедуру бюрократического отбора и снизу-вверх доводятся до сведения высших органов власти.

Китайская социальная модель (*шэцзя* — общество-семья) в изложении Пань Вэя основывается на авторитете государства, партийном

руководстве, согласовании правительственной политики с общественным мнением, сочетании административного управления с самоуправлением. Семейная этика признается важным регулятором общественных отношений.

С развернутой критикой позиции Пань Вэя выступил сянганский ученый Ян Сюйшэн. Он упрекает всех сторонников «китайской модели» за фактическую поддержку авторитарной системы, подчеркивая особую роль рынка в китайских экономических достижениях, большой вклад в «китайское чудо» дешевой рабочей силы, низких цен на исходное сырье и топливо, предельное сокращение экологических издержек. По его мнению, за пропагандой «китайской модели» стоит целый ряд достижений и недостатков.

К первым он относит:

- смену политики обострения классово-борьбы развернутым экономическим строительством;
- прекращение гонений в отношении неугодных режиму лиц (помещики, богачи, реакционеры, саботажники, «правые элементы») и провозглашение равенства всех граждан;
- запрет на пожизненное занятие руководящих постов в высших эшелонах власти;
- переход от правительства универсального типа по образцу семейного клана к правительству обслуживающего типа, построенному на общественном договоре;
- урегулирование отношений между центром и местами, расширение хозяйственной самостоятельности региональных органов власти;
- отказ от утопических экспериментов, рациональность принимаемых управленческих решений;
- ослабление идеологического зажима, отступление от фальшивого единомыслия;
- отречение от международного противоборства и поддержки революционных движений, предпочтение мирного развития и международного сотрудничества.

Недостатками Ян Сюйшэн считает:

- послушное одобрение существующих политических порядков;
- некритичное восприятие всех реформистских начинаний;
- культ «большого правительства», склонного к ужесточению централизации;
- отторжение западной демократической системы и общечеловеческих ценностей;